

© 1997 г.

А.Е. КИБРИК

ИЕРАРХИИ, РОЛИ, НУЛИ, МАРКИРОВАННОСТЬ И "АНОМАЛЬНАЯ" УПАКОВКА ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Памяти Георгия Андреевича Климова

0. ВВЕДЕНИЕ

0.1. Семиотические презумпции о связи означаемых и означающих.

Теория кодирования грамматических категорий исходит из того, что естественные языки соотносят значения грамматических категорий с наблюдаемыми формами по одной из двух семиотических техник.

Первая техника соотносит морфологическую форму (показатель/форматив/маркер – о з н а ч а ю щ е е служебной морфемы) с одним из значений некоторой грамматической категории (о з н а ч а е м ы м служебной морфемы). Например, в нижеследующих словоформах существительного *gel* 'кружка' (арчинский язык):

(1)	а	<i>gel-li-n</i> кружка-КОСВ. ЕД-ГЕН	а'.	<i>gel-li-s</i> кружка-КОСВ. ЕД-ДАТ
	б.	<i>gel-um-če-n</i> кружка-МН-КОСВ. МН-ГЕН	б'.	<i>gel-um-če-s</i> кружка-МН-КОСВ. МН-ДАТ

выделяются следующие служебные морфемы: показатель генитива (-n), показатель датива (-s), показатель мн. числа (-um), показатель косвенной основы ед. числа (-li) и показатель косвенной основы мн. числа (-če).

Первые три морфемы демонстрируют **первую технику** кодирования, именуемую традиционно агглютинативной (= сепаратистской): морфеме ставится в соответствие одно определенное значение грамматической категории (падежа или числа). Как легко видеть, оформление значения падежа (генитив, датив) не зависит от значения числа (ед., мн.) и наоборот.

Вторая техника представлена последними двумя морфемами, в которых слито значение падежа и числа. Такая техника называется флективной (= кумулятивной).

В принципе, и та, и другая техники могут быть осложнены теми или иными контекстными ограничениями, то есть зависеть от синтактик означаемого и/или означающего. В данном примере i) показателя косвенных основ возможны только в формах со значениями косвенных падежей (они отсутствуют в прямом падеже – номинативе: *gel* 'НОМ. ЕД', *gelum* 'НОМ. МН'); ii) морфема со значением 'КОСВ. МН' неотделима от морфемы мн. числа, а морфема 'КОСВ. ЕД' несовместима с морфемой мн. числа: **gel-če-n*, **gel-um-li-n*).

Несмотря на имеющиеся между ними очевидные различия, обе эти техники объединены единым принципом "сборки" означающего по означаемому и, наоборот, "вычисления" означаемого по означающему, а именно:

– каждой комбинации значений грамматических категорий (например, арчинской комбинации 'МН + ГЕН') может быть поставлена (с точностью до синонимии) в соответствие (иногда с помощью вспомогательной процедуры, как это демонстрирует

арчинский пример, где в косвенных падежах добавляется дополнительная морфема со значением 'КОСВ. МН') цепочка показателей, кодирующих эти значения (в нашем случае *-ит-џе-п*);

– означающему каждой морфемы (например, показателям [um], [џе], [п]) может быть приписано (с точностью до омонимии) ее означаемое (соответственно 'МН', 'КОСВ. МН', 'ГЕН'), и

– репертуар означаемых исчерпывается значениями грамматических категорий (так, в вышеприведенном арчинском примере означаемые служебных морфем категоризовались в терминах значений грамматических категорий падежа и числа).

Правила построения правильных словоформ основываются на этом **принципе "прямой вычислимости"** отношения {ФОРМА ↔ ЗНАЧЕНИЕ} (с поправкой на сочетаемостные ограничения, то есть синтактики (грамматических) значений и форм, и на всевозможные морфонологические процессы на стыках морфем).

Принцип прямой вычислимости традиционно признается универсальным, то есть достаточным для полного и адекватного грамматического описания естественных языков. Поэтому данный принцип относится к семиотическим презумпциям и обычно вообще эксплицитно не формулируется.

Однако имеются случаи, когда сформулировать правила построения словоформ, основываясь на этих презумпциях, весьма сложно. Любое принимаемое решение вызывает массу вопросов и недоумений ввиду необъяснимой искусственности объединяемых и/или различаемых языковой формой семантических сущностей.

Целью настоящей статьи является демонстрация такого феномена на материале полиперсонного личного глагольного спряжения в различных неродственных языках. При всем их поверхностном разнообразии, эти системы материализуют единый механизм кодирования грамматических значений, учитывающий не только собственно значения кодируемых грамматических категорий, но и определенные *семантические* принципы их сочетаемости. В заключении предлагается пересмотр традиционного взгляда на проблему инварианта значения языковых выражений и на семиотическую природу языкового знака.

0.2. Общие сведения о личном спряжении.

Личное спряжение кодирует семантические роли (или синтаксические позиции) приглагольных аргументов в терминах их дейктических характеристик, то есть в нем объединяются значения, относящиеся к различным семантическим компонентам: внешнеситуационному (семантические роли/синтаксические позиции аргументов в предикатно-аргументной структуре препозиции) и дейктическому (1-е лицо – 'говорящий как участник речевого акта' / 2-е лицо – 'адресат как участник речевого акта' / 3-е лицо – 'не-участник речевого акта').

С логической точки зрения эти значения могут свободно сочетаться друг с другом и зачастую действительно свободно сочетаются. Так, в русском языке глагол в неперошедших временах согласуется с субъектом по лицу и числу: *я нес-у/ид-у, мы нес-ем/ид-ем; ты нес-ешь/ид-ешь, вы нес-ете/ид-ете; он нес-ет/ид-ет, они нес-ут/ид-ут*, и каждая из суффиксальных служебных морфем однозначно указывает на лицо и число субъектного аргумента глагола, как переходного, так и непереходного.

Русский глагол моноперсонный, но такую же ситуацию можно наблюдать в некоторых языках с полиперсонным спряжением, например, в хивском говоре табасаранского языка (в отличие от других говоров, см. [Кибрик, Селезнев 1982]):

(2)	a.	<i>uzu uvuz Rivun-za-vuz.</i>	'Я. ЭРГ тебя. ДАТ ударил-1. СУБЪ-2. ОБЪ.'
	б.	<i>uvu uzuz Rivun-va-zuz.</i>	'Ты. ЭРГ меня. ДАТ ударил-2. СУБЪ-1. ОБЪ.'
	в.	<i>duRu uzuz Rivun-φ-zuz.</i>	'Он. ЭРГ меня. ДАТ ударил-3. СУБЪ-1. ОБЪ.'
	г.	<i>duRu uvuz Rivun-φ-vuz.</i>	'Он. ЭРГ тебя. ДАТ ударил-3. СУБЪ-2. ОБЪ.'
	д.	<i>uzu duRuz Rivun-za-φ.</i>	'Я. ЭРГ его. ДАТ ударил-1. СУБЪ-3. ОБЪ.'

Послекорневую позицию в глаголе занимает показатель субъекта (Агенса), финаль-

ную – объекта (Реципиента), причем лицо субъекта и объекта выражается специальными показателями (3-е лицо не имеет материального показателя):

	СУБЪ	ОБЪ
1 лицо	-za	-zuz
2 лицо	-va	-viz

Однако так бывает далеко не всегда, и именно к таким случаям мы и переходим.

1. ДАРГИНСКИЙ ЯЗЫК (ЧИРАГСКИЙ ГОВОР)

1.1. Проблема контролера личного согласования.

Пожалуй, максимально простой случай может быть проиллюстрирован спряжением глагола чирагского говора (см. [Кибрик 1979]). Начнем с рассмотрения спряжения одноместного глагола (его единственный аргумент (*S*) оформляется номинативом):

- (3) а. *du čerk-r-ibli-da. / nuša čerk-d-ibli-da*¹.
 ‘Я (жен.) сижу.’ / ‘Мы сидим.’
 б. *ʔu čerk-r-ibli-de. / nuša čerk-d-ibli-da*.
 ‘Ты (жен.) сидишь.’ / ‘Вы сидите.’
 в. *it čerk-r-ible. / ite čerk-b-ible*.
 ‘Она сидит.’ / ‘Они сидят.’

Как видно из (3а-б), глагол имеет суффиксальные показатели лица, соответствующие лицу единственного аргумента. В 3-м лице специальных личных показателей нет². Кроме того, глагол имеет также инфиксальную позицию для классно-числового показателя, который зависит от классно-числовой характеристики именного аргумента, но этот тип согласования не будет в фокусе внимания дальнейшего рассмотрения. Таким образом, 1-е и 2-е лицо противопоставлены 3-му как имеющие согласуемый показатель. Введем для этого противопоставления термины **локатор** (участник речевого акта) и **нелокатор** (не-участник речевого акта). Как мы увидим в дальнейшем, это дейктическое по своей природе противопоставление играет существенную роль в личном спряжении различных языков.

Рассмотрим согласование двухместного глагола с Агентивным (*A*) и Пациентивным (*P*) аргументами.

- (4) а. *diče ʔu r-iqan-da.* ‘Я тебя (жен.) веду.’
 я. ЭРГ ты. ЖЕН. НОМ ЖЕН-вести-1

¹ Между прочим, в 1-м лице не различается ед. и мн. число (имеется единый показатель *-da*), а во 2-м лице ед. число имеет показатель *-de*, а мн. число – показатель *-da*, омонимичный показателю 1-го лица. То, что это омонимы, видно по соотносительным личным показателям, употребляющимся с другим набором видо-временных форм: *-d* ‘1-е лицо’ – *ʔe* ‘2-е лицо ед.ч.’ и *-la* ‘2-е лицо мн.ч.’, где 1-е лицо и 2-е лицо мн.ч. не омонимичны.

С точки зрения поведенческого критерия маркированности, согласно которому значение некоторой категории, различающее большее число значений другой категории, является менее маркированным (см. [Croft 1990: 77–81]), 2-е лицо в даргинском языке менее маркировано, чем 1-е, так как оно, в отличие от 1-го лица, различает значения категории числа. [Аналогичным образом в русском языке значение ед. числа менее маркировано, чем значение мн. числа, потому что в ед. числе прилагательных/глаголов различаются три рода (*пришел–пришла–пришло*), а во мн. числе они нейтрализованы (*пришли*).] Это, пожалуй, единственное проявление различий в иерархии лиц относительно 1-2-го лица.

² Такая ситуация не является уникальной, ср., например, данные табасаранского языка. В этой связи встает вопрос, стоит ли здесь усматривать нулевой личный показатель или считать, что глагол вообще не согласуется с неличным аргументом. Я предлагаю такое общее решение: восстанавливать нулевой показатель только в тех случаях, когда имеются косвенные следы его присутствия (см. примеры ниже). В данном случае без нулевого показателя, видимо, можно обойтись.

б.	<i>diče it</i>		<i>r-iqan-da.</i>	‘Я ее веду.’
	я. ЭРГ она. ЖЕН. НОМ		ЖЕН-вести-1	
в.	<i>ʔiče du</i>		<i>r-iqan-de.</i>	‘Ты меня (жен.) ведешь.’
	ты. ЭРГ я. ЖЕН. НОМ		ЖЕН-вести-2	
г.	<i>ʔiče it</i>		<i>r-iqan-de.</i>	‘Ты ее ведешь.’
	ты. ЭРГ она. ЖЕН. НОМ		ЖЕН-вести-2	

В соответствии с примерами (4) согласование регулируется простыми правилами: личное согласование контролируется Агентивным аргументом, а классно-числовое – Пациентивным (то есть личное согласование соответствует аккузативной схеме, объединяющей *S* и *A*, а классное – эргативной схеме, объединяющей *S* и *P*). Однако добавим недостающие члены личной парадигмы:

(5)	а.	<i>it-e</i>	<i>du</i>	<i>r-iqan-da.</i>	‘Он(а) меня (жен.) ведет.’
		он-ЭРГ	я. ЖЕН. НОМ	ЖЕН-вести-1	
	б.	<i>it-e</i>	<i>ʔu</i>	<i>r-iqan-de.</i>	‘Он(а) тебя (жен.) ведет.’
		он-ЭРГ	ты. ЖЕН. НОМ	ЖЕН-вести-1	
	в.	<i>it-e</i>	<i>ruše</i>	<i>r-iqle.</i>	‘Он(а) девочку ведет.’
		он-ЭРГ	девочка. ЖЕН. НОМ	ЖЕН-вести	

Что касается классно-числового согласования, то оно, как и в (4), контролируется Пациентивом. С личным согласованием дело обстоит сложнее. Пример (5в) иллюстрирует ситуацию, когда оба аргумента не являются локуторами, и в этом случае личное согласование отсутствует как с Агентивом, так и с Пациентивом, аналогично случаю (3в). В примерах (5а-б), в отличие от (4а-в), согласование контролируется не Агентивом, а Пациентивом. Значит, выбор контролера согласования зависит не только от переходности/непереходности конструкции, но и от характеристик обоих аргументов в переходной конструкции.

1.2. Предлагаемое решение проблемы.

Какие же категории кодируют показатели *-da* и *-de* (в единственном числе)? Постоянными являются только дейктические значения: *-da* имеет значение ‘1 лицо’, а *-de* – значение ‘2 лицо’, а ролевые значения не являются фиксированными. Из сравнения (4а-в) с (4г) и (5а-б) можно вывести следующее правило согласования:

Правило согласования. Если оба аргумента локуторы, то согласование идет с Агентивом, если же только один аргумент локутор, то согласование идет с локутором безотносительно к его роли.

Итак, налицо взаимодействие дейктических и ролевых характеристик.

И все-таки, какие значения кодируют показатели *-da* и *-de*?

Формально для даргинского языка можно предложить несколько логически эквивалентных способов описания, например, такие:

[1] Оба показателя имеют два значения:

-da ‘1.A/S’/‘1.P’, *-de* ‘2.A/S’/‘2.P’, то есть выражают одновременно дейктические и ролевые характеристики контролера согласования. (При этом утверждается, что в одном значении реализуется гиперроль Принципала, объединяющая *S* и *A*, а во втором роль Пациентива – *P*, то есть в основе этой оппозиции лежит аккузативная схема кодирования ролей.) Первое значение реализуется по умолчанию, а второе – когда в пропозиции с Пациентивным локутором Агентивный локутор отсутствует.

[2] Показатели имеют только дейктическое значение:

-da ‘1’, *-de* ‘2’. В ситуации конфликта (когда оба аргумента локуторы) предпочтение отдается Агентиву.

Оба эти описания позволяют правильно построить глагольные формы, но базируются они на очень различных принципах. Описание [1] традиционно в том, что исходит из принципа непосредственного кодирования значений грамматических категорий. Инвариантное значение показателей отсутствует, и выбор одного из них определяется дистрибутивно (второе значение имеет особую синтактику). Описание [2] дает прозрачную инвариантную категоризацию показателей, но вводит особое конфликтно-разрешающее правило, базирующееся на некотором приоритетном принципе, требующем обоснования. Существенно, что маркированные ситуации в [1] и [2] различны: в [1] это ситуация с локуторным Пациентивом при нелокуторном Агентиве, в [2] это ситуация с двумя локуторами.

Отдать предпочтение одному из этих описаний, оставаясь в рамках даргинского языка, может быть затруднительно. Однако, как мне кажется, имеются типологические и диахронические критерии выбора оптимального описания. При прочих равных условиях то описание предпочтительнее, которое типологически и диахронически наиболее правдоподобно.

С диахронической точки зрения личное согласование является в даргинском языке явной инновацией. Кроме даргинского, оно имеется еще лишь в двух дагестанских языках: табасаранском и лакском, тогда как более двух десятков родственных языков его не имеет. Более того, системы показателей в языках с личным согласованием несомненно исторически независимы. Наоборот, классное согласование восходит к прадагестанскому состоянию. При этом существенно, что оно повсеместно реализует ролевые противопоставления, базирующиеся на эргативной схеме (*S* и *P* объединены в гиперроль Абсолютива, противопоставленного Агентиву – *A*). Личное согласование семантически связано с дейктическими, а не ролевыми значениями, поэтому их автономное кодирование является вполне естественным.

С типологической точки зрения, которая будет рассмотрена ниже на материале разноструктурных языков, разрешение конфликта в пользу Агентива является естественным.

Таким образом, я полагаю, что описание [2] более адекватно отражает реальность даргинского языка. При этом описании оба показателя имеют свои инвариантные значения, а использование их для кодирования ролевых свойств аргументов непосредственно не связано с их собственными значениями. Далее, личное согласование при такой интерпретации не дает оснований для "сенсационного" вывода о движении даргинского языка от эргативной схемы к аккузативной схеме, как это следует из описания [1], то есть вывода о зарождении в языковой системе внутреннего противоречия между полярными принципами организации структуры простого предложения и связанной в связи с этим возможностью принципиальной перестройки системы.

2. СВАНСКИЙ ЯЗЫК

2.1. Сложности морфологического анализа форм личного спряжения.

Сванский язык имеет полиперсонное личное спряжение глагола, типичное для всех картвельских языков, то есть для сванского языка такое спряжение является системой, восходящей к доисторическому пракартвельскому состоянию и характеризующейся достаточной устойчивостью.

В целом сванское спряжение определяется многими факторами, и полное его описание неправомерно усложнило бы изложение. Поэтому особое внимание будет преимущественно уделено тем его аспектам, которые связаны с основной проблематикой данной статьи. Последующее изложение опирается на интерпретацию, предложенную в статье [Кибрик А.А. 1996].

Во времена серии аориста и презенса переходные агентивные глаголы имеют две согласовательные позиции – префиксальную и суффиксальную, заполнение которых согласующими показателями зависит от значений лица и числа его аргументов. Роле-

Личное спряжение сванского глагола (фрагмент)

Субъект	Объект					
	1ед	1экскл	1инкл	2ед	2мн	3
1ед	–	–	–	ʒ-φ		xw-φ
1экскл	–	–	–	ʒ-d		xw-d
1инкл	–	–	–	–		l-d
2ед	m-φ	n-φ	–	–		x-φ
2мн	m-d	n-d	–	–		x-d
3ед	m-φ	n-φ	gw-φ	ʒ-φ	ʒ-x	φ-φ
3мн	m-x	n-x	gw-x		ʒ-x	φ-x

вые характеристики аргументов будем обозначать условными ярлыками "субъект" и "объект" (не придавая им синтаксического статуса типа "подлежащее" – "прямое дополнение"): субъектом будем называть имя в эргативном падеже, а при отсутствии такового – имя в номинативе³. Субъектно-объектные показатели приведены в Табл. 1 (перед тире стоит префиксальный показатель, а после тире – суффиксальный; прочерки означают невозможность соответствующей комбинации лиц; в сванском языке различается эксклюзивное и инклюзивное мн. число 1-го лица; что касается нулей, то их введение, разумеется, не самоочевидно и связано с определенной трактовкой системы сванских личных показателей).

В литературе имеется два основных способа морфологической интерпретации этих показателей (+/- нулевые показатели) – циркумфиксный (при котором каждой разрывной комбинации приписывается одно грамматическое значение) и префиксально-суффиксальный (при котором каждой из частей приписывается свое значение), см. подробнее в [Кибрик А.А. 1996]. Представляется, что второй способ более простой и объяснительный. Выделяемые в таком случае морфемы представлены в Табл. 2. В этом инвентаре показателей проявляются следующие закономерности.

Во-первых, только 1-е лицо (как субъекта, так и объекта) различает числа в префиксальной позиции, при этом числа объекта различены максимально, субъект же противопоставляет инклюзивную форму (включающую значение 2-го лица ['я с тобой']) неинклюзивным, то есть для субъекта можно говорить о четырех лицах: 1-м, 1 + 2-м, 2-м и 3-м. Выделение именно инклюзивного множественного вполне логично с точки зрения категории локутора: это такая ситуация, когда оба участника речевого акта (говорящий и адресат) выступают в одной роли. Второе лицо (как субъекта, так и объекта) в префиксальной позиции чисел не различает (субъектный показатель x-, объектный – ʒ).

Во-вторых, 3-е лицо вообще не имеет материальных показателей в префиксальной позиции. Из четырех возможных интерпретаций (с точки зрения противопоставления нулевых показателей отсутствию показателя) в Табл. 2 принята одна, при которой субъект 3-го лица имеет нулевой префиксальный показатель, а объект вообще в этой позиции не выражается (обоснование см. ниже).

В-третьих, если префиксальная позиция используется как объектными, так и субъектными показателями, различающими прежде всего их лица, то суффиксальная позиция в основном субъектная, причем субъект в ней характеризуется по числу с точностью до локуторности (нулевой показатель для ед. числа всех лиц, показатель -d – для мн. числа локутора, -x – для мн. числа нелокутора. В суффиксальной позиции объ-

³ Дело, в частности, в том, что агентивный глагол имеет разное падежное оформление аргументов в разных временных формах. В аористе субъект (Агентив) оформлен эргативом, а объект (Пациентив) – номинативом. В презенсе субъект стоит в номинативе, а объект – в дативе. В перфектных временах номинативом оформлен, наоборот, Пациентив (= субъекту), а дативом – Агентив (= объекту).

Согласовательные показатели сванского глагола

Субъектные показатели				Объектные показатели			
префиксы		суффиксы		префиксы		суффиксы	
1ед/экскл	hw-	1-3ед	-ø	1ед	m-	2мн	-x
1инкл	l-	1/2мн	-d	1экскл	n-		
2	x-	3мн	-x	1инкл	gw-		
3	ø-			2	ʒ		

ект маркируется только в одном случае: когда это мн. число 2-го лица в контексте нелокуторного субъекта (показатель -x). Следует подчеркнуть промежуточность интерпретации этого показателя: кроме того, что он попадает в исключения, этот показатель фонетически тождествен показателю мн. числа нелокуторного субъекта.

2.2. Интерпретация сванского спряжения.

Как было показано выше, сванское личное спряжение на редкость несимметрично: в разных позициях выражаются разные наборы грамматических значений, не очевидны правила выбора показателей, поскольку на одну позицию претендуют различные показатели из приведенного в Табл. 2 инвентаря.

Однако если принять уже известную нам дейктическую иерархию

$$\text{локатор} > \text{нелокутор}$$

то правило заполнения префиксальной позиции становится весьма простым и мотивированным:

Правило 1. Префикс. При равенстве дейктических характеристик аргументов (с точки зрения дейктической иерархии) префиксальную позицию занимает показатель объекта, при их неравенстве – показатель локатора.

Иными словами, если оба аргумента неразличимы на дейктической иерархии, т.е. оба или локаторы или нелокуторы, то согласование определяется ролевыми характеристиками (а именно – Объектом). Если один из аргументов локатор, а другой нелокутор, то согласование идет по локатору (ролевые характеристики аргументов несущественны).

Из этого следует, что префиксальная позиция исходно является объектной, но это правило нарушается при неравенстве дейктических характеристик аргументов в пользу более маркированного аргумента (локатора).

Правило 2. Суффикс. Суффиксальная позиция заполняется числовым показателем субъекта, кроме одного случая, когда при нелокуторном субъекте объектом является мн. число 2-го лица: в этом случае согласование идет по числу объекта.

Из этого следует, что суффиксальная позиция исходно является субъектной, но это правило нарушается при неравенстве дейктических и числовых характеристик аргументов – 3-го лица ед. числа субъекта и 2-го лица мн. числа объекта в пользу числа локатора.

Такая асимметрия может быть объяснена компенсацией недоразличения числа 2-го лица по сравнению с 1-м (см. об этом выше). При этом субъектное 2-е лицо, не различая число в префиксальной позиции, тем не менее всегда различает его в суффиксальной позиции, см. Табл. 1. Объектное 2-е лицо также имеет один префиксальный показатель для ед. и мн. числа, и для него единственным ресурсом различения

Личное спряжение сванского глагола в аффективной конструкции

Субъект в номин.	Объект в дативе				
	1ед	1экскл	1инкл	2ед	2мн
1ед	—	—	—	z- $\emptyset$	ʒ- $\emptyset$ d
1экскл	—	—	—	ʒ-d $\emptyset$	ʒ-d
1инкл	—	—	—	—	—
2ед	m- $\emptyset$	n- $\emptyset$ d	—	—	—
2мн	m-d $\emptyset$	n-d	—	—	—
3ед	m- $\emptyset$	n- $\emptyset$ x	gw- $\emptyset$ x	ʒ- $\emptyset$	ʒ-x
3мн	m-x $\emptyset$	n-x	gw-x	ʒ-x $\emptyset$	ʒ-x

числа является суффиксальная позиция. Особенно это желательно при нелокуторном (ниже по рангу) субъекте, каковым и является 3-е лицо.

Однако данная мотивация, к сожалению, не объясняет, почему соответствующий показатель материально тождествен субъектному показателю множественности для 3-го лица. Постулировать омонимию в таком специфическом фрагменте парадигмы крайне нежелательно. В статье [Кибрик А. А. 1996: 489] выдвигается гипотеза, что показатель -x является в контексте объекта 2-го и субъекта 3-го лица просто плюрализатором, не различающим ролей аргументов⁴. Эта гипотеза подтверждается спряжением агентивных глаголов в перфектной серии времен, где субъектом становится Пациентив в номинативе, а объектом – Агентив в дативе. В этом спряжении суффиксальное согласование перестает четко различать ролевые характеристики аргументов, допуская вариативное числовое согласование, см. Табл. 3. Не ставя цели описать этот вариант спряжения формально, отмечу важные его особенности. Показатель -x является здесь плюрализатором при сочетании нелокуторного субъекта с локуторным объектом. Если оба аргумента во мн. числе, выступает этот показатель, если оба в ед. числе, нулевой показатель, если один из них в ед., а другой во мн. числе, то согласование может идти по любому из них. Если оба аргумента локуторы, то показателем мн. числа является -d.

Итак, сванский язык имеет значительно более сложный морфосинтаксис, чем даргинский язык, но базовые механизмы в этих языках весьма похожи. В основе их лежит дейктическая иерархия, накладывающаяся на ролевые характеристики аргументов, при этом дейктическая иерархия подавляет ролевое распределение контролеров согласования (префикс согласуется с объектом, а суффикс с субъектом) в пользу более высокого по дейктическому рангу аргумента.

3. ЯЗЫК ЙИМАС

3.1. Основные данные.

Обратимся теперь к данным языка йимас, папуасского языка Новой Гвинеи (сведения о котором почерпнуты из работ [Foley 1991; 1993]). У. Фоли характеризует спряжение языка йимас как устроенное непредсказуемо сложно, хотя намечает неформально некоторые закономерности. Для экономии места я не комментирую анализ Фоли, а непосредственно перехожу к своей интерпретации.

В йимас лично-числовые характеристики ядерных аргументов (единственного аргумента непереходного глагола и обоих аргументов переходного глагола) кодируются в глагольной словоформе. Различаются 1-е, 2-е и 3-е лицо, ед. и мн. число этих аргументов.

В дальнейшем изложении нам будут снова нужны следующие базовые понятия:

⁴ Типологически сходную ситуацию можно наблюдать ниже, в алюторском языке.

дейктические концепты локутор (говорящий/слушающий) – нелокутор (не-участник речевого акта), и ролевые концепты Агентив/Пациентив (соответственно агенсо-подобный (А) и пациенсо-подобный (Р) аргументы переходного глагола) и S (единственный аргумент непереходного глагола). Рассмотрим примеры с дейктически нейтральными (не-локуторными) аргументами:

(6)	а.	<i>pu-wat.</i> ЗМН. S-идти 'Они пошли.'	а'.	<i>na-wat.</i> ЗЕД. S-идти 'Он пошел.'
	б.	<i>pu-n-tay.</i> ЗМН. Р-ЗЕД. А-видеть 'Он увидел их.'	б'.	<i>na-n-tay.</i> ЗЕД. Р-ЗЕД. А-видеть 'Он увидел его.'
	в.	<i>pu-tri-tay.</i> ЗМН. Р-ЗМН. А-видеть 'Они увидели их.'	в'.	<i>na-tri-tay.</i> ЗЕД. Р-ЗМН. А-видеть 'Они увидели его.'

В (6) формально выделяется четыре префикса: *na-*, *-n-*, *pu-*, *-tri-*, которым, согласно глоссам, можно приписать следующие значения:

<i>na-</i>	'ЗЕД. S/ЗЕД. Р'
<i>-n-</i>	'ЗЕД. А'
<i>pu-</i>	'ЗМН. S/ЗМН. Р'
<i>-tri-</i>	'ЗМН. А'

Показатели *-n-* и *-tri-* сочетают значения числа и Агентива, а многозначность показателей *na-* и *pu-* можно устранить, усмотрев в них эргативный принцип кодирования, объединяющий S и Р в единой гиперроли Абсолютива (= Фактивита)⁵. Однако добавление предложений с аргументами 1-го лица создает проблемы для такого анализа.

(7)	а.	<i>ama-wat.</i> 1ЕД. S-идти 'Я пошел.'	
	б.	<i>pu-ka-tay.</i> ЗМН. Р-1ЕД. А-видеть 'Я увидел их.'	б'. <i>na-ka-tay.</i> ЗЕД. Р-1. ЕД. А-видеть 'Я увидел его.'
	в.	<i>pu-na-tay.</i> ЗМН. А-1ЕД. Р-видеть 'Они увидели меня.'	в'. <i>na-na-tay.</i> ЗЕД. А-1ЕД. Р-видеть 'Он увидел меня.'

Если в (7б–б') показатели *pu-* и *na-* имеют то же ролевое значение, что и ранее (Пациентивное), то в (7в–в') они уже кодируют Агентив. Что стоит за этой "омонимией"? Очевидно, что интерпретация, предложенная выше на основе данных (6), нуждается в пересмотре. Не затрудняя читателя демонстрацией прочих случаев, критических для традиционного морфологического анализа (их можно обнаружить при рассмотрении нижеследующих примеров), перейду к альтернативной интерпретации, устраняющей "аномалии" и объясняющей кажущуюся запутанной морфологическую технику.

3.2. Морфологический анализ форм спряжения.

Во-первых, более проникающий морфемный анализ, учитывающий данные, приводимые ниже, позволяет свести четыре показателя 3-го лица к двум морфемам, имеющим два алломорфа в зависимости от их начальной или предкорневой позиции: *pu-/tri-* 'ЗМН', *na-/n-* 'ЗЕД'. Во-вторых, маркирование ролевых характеристик аргу-

⁵ Используемый в данной статье понятийный аппарат ролевых и гиперролевых характеристик аргументов и типологии структуры простого предложения описывается в работах [Кибрик 1992: 189–192; 1997].

ментов естественно связать с линейной позицией морфем: согласно данным (6б-в), двухместные глаголы имеют последовательность позиций 'Пациентив + Агентив + + КОРЕНЬ', то есть показатель Пациентива предшествует показателю Агентива. У одноместного глагола, см. (6а), имеется только одна предглагольная позиция, в которой оппозиция между начальной и предкорневой позициями поверхностно нейтрализована. Однако прочие контексты показывают (см. ниже анализ отрицательных предложений), что эта позиция отождествляется с начальной (а не предкорневой) позицией. Если данный морфологический анализ верен, то нелокуторные аргументы используют эргативную схему кодирования *S/A/P*-ролей, противопоставляя Абсолютив (*S* и *P*) Агентиву, что согласуется с результатом четырехморфемного анализа.

Из (7) следует, что дейктически маркированные аргументы (локуторы) перестраивают последовательность расположения личных показателей: показатели локуторных аргументов занимают ближайшую к корню позицию независимо от их роли, см. (7в-в').

Ясно, что *ama-* является специальным показателем *S*-роли, см. (7а), противопоставленным показателям с *A*-ролью (*-ka-*), см. (7б), и *P*-ролью (*-na-*), см. (7б). Таким образом, в данном случае стратегия маркировки локуторов является трехчленной (*S*, *A* и *P* противопоставлены друг другу). В то же время один и тот же показатель 3-го лица мн.ч. *pu-* используется в (7б) для маркировки *P*-аргумента, а в (7в) – *A*-аргумента.

Когда же оба аргумента являются локуторами, противопоставлены две ситуации

(8)	а.	<i>ma-na-tay</i>
2ЕД. А-1ЕД. Р-видеть
'Ты видел меня.' | б. | <i>kampan-tay</i> .
1ЕД. А + 2ЕД. Р-видеть
'Я видел тебя.' |
|-----|----|--|----|--|

Следует иметь в виду, что пример (8б) будет играть решающую роль для выбора и обоснования интерпретации этой системы (см. ниже).

Необъяснимые для традиционного анализа сложности рассматриваемого личного спряжения состоят в том, что кодирование ролевых свойств аргументов как будто не подчиняется никаким правилам: одни и те же показатели и одни и те же линейные позиции могут отсылать как к *A*, так и к *P*, а в (8б) вообще вне всякой логики появляется кумулятивный показатель обоих аргументов. Кроме того, для нелокуторов используется эргативная, а для локуторов трехчленная (= контрастивная) техника ролевого кодирования.

Однако если применить к данным языка йимас гипотезу о релевантности принципа маркированности при взаимодействии ролевых и дейктических значений, то система личного спряжения становится прозрачной и мотивированной.

3.3. Предлагаемая интерпретация.

С точки зрения этой гипотезы правила расстановки личных показателей основываются на следующих иерархиях маркированности (члены иерархии, находящиеся слева от знака '<', являются менее маркированными):

{1}	дейктическая иерархия:	$3 < 2 < 1$
{2}	ролевая иерархия для нелокуторов (3-е лицо):	Пациентив < Агентив
{3}	ролевая иерархия для локуторов (1/2-е лицо):	Агентив < Пациентив.

Дейктическая иерархия означает, что наименее маркированными являются такие сообщения, в которых говорящий описывает внешнюю по отношению к речевому акту ситуацию (в которую не включены в качестве участников локуторы). Сообщение является несколько более маркированным, если говорящий описывает ситуацию, в которой участвует слушающий. Наконец, наиболее маркировано такое сообщение, в котором в качестве его участника выступает сам говорящий.

Ролевая иерархия нелокуторов означает, что для них нормальным является выступать в роли Пациентива, а роль Агентива для них маркирована. Ролевая иерархия для локуторов означает, напротив, что для них нормальным является выступать в роли Агентива, а роль Пациентива для них маркирована.

Глагол имеет две префиксальные позиции для личных показателей:

– **начальную**: немаркированную (предназначенную для менее маркированных показателей), и

– **предкорневую**: маркированную (предназначенную для маркированных показателей)⁶.

Таким образом, выбор префиксальных позиций регулируется свойствами маркированности соответствующих показателей:

– начальную позицию занимает наименее маркированный аргумент двухместного глагола или нелокатор одноместного глагола;

– предкорневую позицию занимает наиболее маркированный аргумент двухместного глагола или локутор (более маркированный, чем нелокатор) одноместного глагола.

В некоторых случаях не возникает конфликта между иерархиями, и тогда распределение аргументов по позициям происходит однозначно:

Типы аргументов:	Последовательность:	Мотивирующая иерархия:
[1] 3.A + 3.P	# 3.P – 3.A – КОРЕНЬ	{2}; {1&3} нерелевантны
[2] 2.A + 1.P	# 2.A – 1.P – КОРЕНЬ	{1&3}; {2} нерелевантна

В случае [1] дейктическая иерархия {1} не различает аргументы, а ролевая иерархия локуторов {3} не работает, так как отсутствуют локуторные аргументы. За расположение префиксов отвечает только ролевая иерархия нелокаторов {2}. В случае [2] две иерархии одновременно квалифицируют 2.A-аргумент как менее маркированный чем 1.P-аргумент; иерархия {2} по понятным причинам не работает.

Более сложны следующие случаи:

Типы аргументов	Последовательность:	Мотивирующая иерархия:
[3] 1/2.A + 3.P	# 3.P – 1/2.A – КОРЕНЬ	{1&2} сильнее, чем {3}
[4] 3.A + 1/2.P	# 3.A – 1/2.P – КОРЕНЬ	{1&3} сильнее, чем {2}

В случае [3] иерархии {1} и {2} квалифицируют 3.P-аргумент как немаркированный и 1/2.A-аргумент как маркированный. Однако они находятся в конфликте с ролевой иерархией локуторов {3}, квалифицирующей агентивный статус 1/2-аргументов как немаркированный. Этот конфликт разрешается в пользу иерархий {1} и {2}.

В случае [4], согласно дейктической иерархии {1}, последовательность показателей должна бы была быть 'A + P + КОРЕНЬ'; из иерархии локуторов {3} дополнительно следует, что локутор должен занимать предкорневую позицию; однако ролевая иерархия нелокаторов {2} эту же предкорневую позицию выбирает для нелокатора. В этой конфликтной ситуации предписание иерархии {2} подавляется более сильными иерархиями {1} и {3}.

⁶ Подчеркну, что у кодирующих средств теперь имеются инвариантные значения: префиксальные морфемы кодируют дейктические характеристики нелокаторных аргументов (лицо – число) и дополнительно – ролевые характеристики локуторных аргументов, а позиции – (не)маркированность роли соответствующего аргумента.

Однако в том случае, когда эти две сильные иерархии находятся в конфликте друг с другом, обычный способ разрешения конфликта (в пользу одного из конкурентов) невозможен:

Типы аргументов:	Последовательность:	Мотивирующая иерархия:
[5] 1.А + 2.Р	# portmanteau – КОРЕНЬ	{1} в конфликте с {3}; {2} нерелевантна

Иерархия {1} требует порядка '2.Р + 1.А' (так как 2-е лицо менее маркировано, для него предпочтительна начальная позиция, а для 1-го – предкорневая), а иерархия {3} предпочитает обратный порядок '1.А + 2.Р' (агентивный локутор предпочитает немаркированную, то есть начальную позицию, а пациентивный – предкорневую). Этот конфликт разрешается с помощью компромисса, а именно использованием особой кумулятивной морфемы (**portmanteau**), снимающей проблему упорядочивания личных маркеров.

Отрицательные формы с поверхностной точки зрения используют другой морфологический механизм маркирования аргументов, но сохраняют эргативный способ кодирования нелокуторных аргументов:

(9) а.	<i>ta-pu-war-um.</i> ОТР-3-идти-3МН 'Они не пошли.'	а'.	<i>ta-pu-wat-ø.</i> ОТР-3-идти-3ЕД 'Он не пошел.'
б.	<i>ta-pu-n-tauc-um.</i> ОТР-3-ЕД.А-видеть-3МН 'Он их не видел.'	б'.	<i>ta-pu-n-tauc-ak.</i> ОТР-3-ЕД.А-видеть-3ЕД 'Он его не видел.'
в.	<i>ta-mpu-tauc-ak.</i> ОТР-3МН.А-видеть-3ЕД 'Они его не видели.'	в'.	<i>ta-mpu-tauc-um.</i> ОТР-3МН.А-видеть-3ЕД 'Они их не видели.'

В этом случае предкорневая позиция также служит для наиболее маркированного (агентивного) аргумента, в то время как начальную позицию занимает показатель отрицания *ta-* (который иногда, в зависимости от сочетаемостных ограничений, может сопровождаться морфемой *-pu-* – дейктическим показателем 3-го лица аргумента с меньшим рангом). Следствием этого является то, что открывается дополнительная позиция после корня, в которой выражается число смещенного аргумента. При этом ролевые свойства смещенного аргумента нейтрализуются: *-um* маркирует 3-е лицо мн. числа, а *-ak/ø* – 3-е лицо ед. числа. Отрицательные предложения косвенно поддерживают эргативную ориентацию утвердительных предложений. Они также дополнительно подтверждают предложенный выше анализ морфем (*m*)*pu* и *n*(*a*) как фонетически распределенных вариантов 3-го лица безотносительно к их ролевым значениям.

Отрицательные формы с локуторными показателями демонстрируют сдвиг ролевой ориентации, ср. (7).

(10) а.	<i>ta-ka-wat.</i> ОТР-1ЕД-идти 'Я не пошел.'		
б.	<i>ta-ka-tauc-um.</i> ОТР-1ЕД.А-видеть-3МН 'Я их не видел.'	б'.	<i>ta-ka-tauc-ak.</i> ОТР-1ЕД.А-видеть-3ЕД 'Я его не видел.'
в.	<i>ta-na-tauc-um.</i> ОТР-1ЕД.Р-видеть-3МН 'Они меня не видели.'	в'.	<i>ta-na-tay-ø.</i> ОТР-1ЕД.Р-видеть-3ЕД 'Он меня не видел.'
г.	<i>ta-na-tay-ø.</i> ОТР-1ЕД.Р-видеть-ЕД 'Ты меня не видел.'	г'.	<i>ta-mpu-tay.</i> ОТР-1ЕД.А + 2ЕД.Р-видеть 'Я тебя не видел.'

Во-первых, эти данные подтверждают анализ показателей *-im* и *-ak/ø* как маркеров, не несущих ролевых значений. Показатель отрицания занимает начальную позицию и смещает начальный (менее маркированный) показатель в послекорневую позицию. Во-вторых, (10a) в сравнении с (9a) показывает, что локуторный показатель занимает предкорневую позицию одностепенного глагола, благодаря чему он избегает смещения, имеющего место с нелокуторным показателем. В-третьих, отрицательные предложения редуцируют трехчленное противопоставление локуторов: личный показатель одностепенного глагола (*ka*) идентичен с агентивным показателем двухместного глагола. Таким образом, в контексте отрицания локуторные аргументы следуют аккузативной стратегии.

Вкратце, различие между локуторным и нелокуторным аргументами состоит в следующем:

– Ролевые свойства локуторных аргументов кодируются морфологически (специальными морфемами), в то время как нелокуторные личные маркеры не имеют ролевой спецификации; роли нелокуторов могут кодироваться позиционно: находясь в предкорневой позиции, нелокутор имеет агентивную роль (но не наоборот).

– Локуторные показатели занимают предкорневую позицию независимо от их роли. Таким образом, эта позиция может быть занята нелокуторным агентивным показателем только в том случае, когда нет конкуренции.

Следует отметить, что эргативное VERSUS аккузативное/трехчленное кодирование соответственно нелокуторов и локуторов не является явлением исключительным. Такая же корреляция обнаруживается в различных языках, см. статистические данные в [Nichols 1993]. Например, давно привлечшим к себе внимание свойством многих австралийских языков является эргативное падежное кодирование для существительных в оппозиции к аккузативному падежному кодированию личных местоимений 1-го и 2-го лица [Blake 1977]. Диахроническая устойчивость такого расщепления падежной маркировки имен означает, что оно согласуется с внутренней природой локуторов в их оппозиции к нелокуторам. Различие в маркировке локуторов и нелокуторов не является случайным и следует из их сущностных различий в соответствии с введенными выше иерархиями {2} и {3}.

4. ЮКАГИРСКИЙ ЯЗЫК

4.1. Постановка проблемы.

Обратимся теперь к генетически изолированному юкагирскому языку, традиционно относящемуся к палеоазиатским языкам Восточной Сибири (данные заимствованы из работы [Николаева, Хелимский 1996]).

Бросающейся в глаза особенностью юкагирского языка является синонимия предложений с одним и тем же денотативным содержанием:

(11)	'Я сижу.'		
	a.	<i>mət</i>	<i>modo-jə</i> .
	b.	<i>mət-ək</i>	<i>modo-l</i> .
(12)	'Я убил мужчину.'		
	a.	<i>mət-ø</i>	<i>šoromə-ø</i> <i>kudedə-ø</i>
	b.	<i>mət-ək</i>	<i>šoromə-ø</i> <i>kudedə-l</i> .
(13)	'Медведь убил мужчину.'		
	a.	<i>me:me:ten-ø</i>	<i>šoromə-lə</i> <i>kudedə-m</i> .
	b.	<i>me:me:ten-ək</i>	<i>šoromə-lə</i> <i>kudedə-l</i> .
	c.	<i>me:me:ten-ø</i>	<i>šoromə-lə-k</i> <i>kudedə-m-lə</i> .

Различия между синонимичными предложениями затрагивают как предикат, так и его аргументы. Поэтому в данном разделе представляется необходимым несколько

расширить состав рассматриваемых кодирующих средств, выйдя за рамки собственно личного спряжения.

4.2. Грамматикализованные характеристики ИГ.

В отличие от рассмотренных выше языков, в юкагирском языке грамматикализованные семантические характеристики именных групп более разнообразны (не исчерпываются категориями роли и лица – числа) и их кодирование происходит как в глаголе, так и в имени (именном склонении). При этом замечательным свойством юкагирских морфосинтаксических средств является последовательное и явное различие немаркированных и маркированных комбинаций значений, относящихся к различным семантическим компонентам. Оставляя в стороне описание открывающей аналитической процедуры, рассмотрим предлагаемую мной конечную интерпретацию (она лишь частично совпадает с описанием в [Николаева, Хелимский 1996]).

- В юкагирском языке грамматикализируются следующие концепты:
- а. Ролевой параметр: семантические гиперроли – **Принципал** (*PR* – семантическое объединение *S*- и *A*-аргументов) и **Пациентив**, то есть аккузативная схема.
 - б. Дейктический параметр: **лицо** (местоимение 1–3-го лица) – **не-лицо** (полная ИГ) и **локутор** (1–2-е лицо) – **нелокутор** (местоимение 3-го лица и полная ИГ). Это значит, что в юкагирском языке имеет место следующая дейктическая иерархия:

		лицо	>	не-лицо
{1}	1/2	>	3	>
	локутор	>	нелокутор	не-лицо

в котором местоименное 3-е лицо по категории лица объединяется с 1/2-м лицом, а по категории локутора – с неличными именными группами.

- в. Дискурсивный параметр: **рематизированная VS нерематизированная** ИГ (описывается в [Николаева, Хелимский 1996] в терминах логического ударения или контрастивности).
- г. Референциальный параметр: **определенная VS неопределенная** ИГ (определенная ИГ предполагает специфицированность участника, вообще или в описываемом событии).

4.3. Именное склонение.

Сперва рассмотрим именное склонение. Выбор падежа в юкагирском языке управляется ролевыми, дейктическими и дискурсивными характеристиками ИГ.

С точки зрения элементов дейктической иерархии {1}, возможны следующие сочетания дейктических и ролевых характеристик аргументов:

	A	P
[1]	1/2	не-лицо
[2]	1/2	3
[3]	1/2	1/2
[4]	3	1/2
[5]	3	3
[6]	3	не-лицо
[7]	не-лицо	1/2/3/не-лицо

Поверхностно нейтральное кодирование в переходном предложении используется в немаркированной ситуации, то есть когда Агентив является локутором (1–2-е лицо) и Пациентив – не-лицом. Легко видеть, что эта ситуация описывается аналогично известным нам из языка йимас иерархиями (см. {2} и {3} в разделе 3), а именно:

- {2} ролевая иерархия для не-лиц:
Пациентив < Агентив
- {3} ролевая иерархия для локуторов:
Агентив < Пациентив.

Что касается местоимения 3-го лица, то оно не включается ни в одну из иерархий и, разделяя свойства нелокуторов и лиц, всегда является маркированным.

В немаркированной ситуации и Агентив, и Пациентив оформляются номинативом (нулевой показатель), совпадающим с немаркированным падежом S-аргумента переходного предложения⁷.

Итак, случай [1] является немаркированным, а все остальные маркированные. Их можно объединить в две группы, а именно, маркированными комбинациями ролевого и дейктического статуса именных групп являются:

– сочетание локуторного Агентива с личным (местоимение 1–3-го лица) Пациентивом, то есть случаи [2–3].

– нелокуторный Агентив (дейктический статус Пациентива иррелевантен), то есть случаи [4–7].

В этих случаях Агентив стоит в номинативе, а Пациентив в аккузативе (показатель *-la*), то есть имеет место поверхностно аккузативная схема кодирования.

Сформулированное распределение описывает Правило 1.

Правило 1. Выбор падежа Пациентива. Если Агентив является локутором, а Пациентив – не-лицом, оба аргумента стоят в номинативе, во всех остальных случаях Пациентив стоит в аккузативе.

Такие падежные значения возможны, если аргументы не рематизированы. В противном случае рематизированная ИГ принимает форму так называемого рематива (показатель *-k*) независимо от ее семантической роли и дейктического статуса⁸. Иными словами, рематизация сильнее (маркированнее), чем ролевые и дейктические характеристики ИГ.

Правило 2. Выбор рематива. Рематизированная ИГ изменяет свой исходный падеж на рематив.

Наконец, падежи сочетаются с референциальными показателями. Немаркированные комбинации следующие⁹:

{4} иерархия определенности для номинатива/рематива:

определенность < неопределенность

{5} иерархия определенности для аккузатива:

неопределенность < определенность.

В немаркированной ситуации референциальные характеристики не имеют открытого выражения. В маркированных ситуациях референциальный показатель предшествует падежному показателю.

Именная парадигма содержит такие показатели:

⁷ Отметим, что переходное предложение не является при этом двусмысленным: Агентив и Пациентив различаются благодаря дейктическим характеристикам и глагольным показателям согласования II спряжения (см. ниже).

⁸ В этом случае опять же ее роль в переходном предложении идентифицируется благодаря падежу второго аргумента и глагольному спряжению III или IV (см. ниже).

⁹ Эти иерархии, в полном соответствии со статистическим критерием маркированности (см. [Croft 1990: 84–88]), грамматикализуют известную типологическую тенденцию, состоящую в том, что в текстах субъекты противопоставлены объектам как статистически преимущественно определенные ИГ (см. [Givón 1990]), а в некоторых языках (например, в малагасийском (см. [Keenan 1976: 252]), субъекты могут быть только определенными.

Номинатив	определ.	Ед. ø	Мн. -pə, -pul
	неопредел.	-ŋ/ø ¹⁰	? ¹⁰
Рематив	определ.	-k	-pə-k
	неопредел.	-lə-k	-pə-lə-k
Аккузатив	определ.	-gə-lə	-pə-gə-lə
	неопредел.	-lə	-pə-lə

Правило 3. (Не)определенность. (В соответствии с иерархиями определенности) при ремативе¹⁰ маркируется значение неопределенности (показатель -lə), при аккумулятиве – значение определенности (показатель -gə).

4.4. Личное спряжение.

Рассмотрим теперь релевантный фрагмент глагольной парадигмы. Он контролируется следующими параметрами именных групп:

- а. Лицо–число Принципала;
- б. Кластеры ролевых и дискурсивных характеристик ИГ в предложении, а именно:
 - нерематизированный аргумент непереходного глагола (S);
 - нерематизированный Агентив и Пациентив;
 - рематизированный Пациентив;
 - рематизированный Принципал.

Эти свойства упаковываются в четыре спряжения. Парадигма аориста индикатива представлена в табл. 4.

Непереходное предложение с нерематизированным единственным аргументом S выбирает спряжение I с соответствующими лично-числовыми показателями. В переходном предложении различаются три случая. Если в нем ни Агентив, ни Пациентив не рематизированы, выбираются показатели Агентива из II спряжения. Если рематизирован Пациентив, используются показатели Агентива из III спряжения. Рематизированный Принципал (т.е. S/A) влечет появление единого показателя -l независимо от его лица и числа (за единственным исключением – 3-м лицом мн. числа, однако следует иметь в виду, что это исключение в действительности совершенно регулярно: во всех спряжениях мн. число от 3-го лица мн. числа образуется с помощью плюрализатора -ni).

Таблица 4

Типы спряжения в юкагирском языке

Лицо – число S/A-аргумента	Тип спряжения			
	I	II	III	IV
	нерематиз. S	нерематиз. A&P	рематизир. P	рематизир. PR
ЕД 1	-jə	-ø	-mə	-l
2	-jək	-mik	-mə	-l
3	-j	-m	-mələ	-l
МН 1	-jejli	-j	-l	-l
2	-jəmət	-mət	-mək	-l
3	-ŋi	-ŋ-am	-ŋi-mələ	-ŋi-l

¹⁰ В статье [Николаева, Хелимский 1996] информация о сочетании номинатива и неопределенности недостаточна.

Правило 4. Тип спряжения. Глагол выбирает I–IV спряжение в зависимости от (не)рематизированности своих аргументов, согласуясь по лицу-числу с S/A-аргументом.

Стоит попутно отметить, что в глагольном спряжении при аргументной рематизации реализуется аккузативная схема (IV и III спряжения противопоставляют Принципал Пациентиву), а при отсутствии рематизированных аргументов схема трехчленная (I спряжение выделяет единственный аргумент S, а II – противопоставляет Агентив, по которому идет согласование, Пациентиву).

В (14–16) повторены с добавлением глоссирования (и выделением полужирным шрифтом рематизированной ИГ) примеры (11–13) для иллюстрирования некоторых из сформулированных выше правил:

(14)	a.	<i>tət-φ</i>
я-ОПР. НОМ
'Я сижу.'	<i>modo-jə.</i>
сидеть-1ЕД.С	
	b.	<i>tət-ək</i>
я-ОПР. РЕМ
'Я сижу.'	<i>modo-l.</i>
сидеть-РЕМ.РР	
(15)	a.	<i>tət-φ</i>
я-ОПР.НОМ
'Я убил мужчину.'	<i>šoromə-φ</i>
мужчина-ОПР. НОМНОМ	<i>kudedə-φ.</i>
убивать-1ЕД.А
	b.	<i>tət-ək</i>
я-ОПР. РЕМ
'Я убил мужчину.'	<i>šoromə-φ</i>
мужчина-ОПР. НОМНОМ	<i>kudedə-l.</i>
убивать-РЕМ.РР
(16)	a.	<i>me:me:ten-φ</i>
медведь-ОПР.НОМ
'Медведь убил мужчину.'	<i>šoromə-lə</i>
мужчина-ОПР.АКК	<i>kudedə-m.</i>
убивать-3ЕД.А
	b.	<i>me:me:te-lə-k</i>
медведь-НЕОПР-РЕМ
'Медведь убил мужчину.'	<i>šoromə-lə</i>
мужчина-ОПР.АКК	<i>kudedə-l.</i>
убивать-РЕМ.РР
	c.	<i>me:me:ten-φ</i>
медведь-ОПР-НОМ
'Медведь убил мужчину .'	<i>šoromə-lə-k</i>
мужчина-НЕОПР-РЕМ	<i>kudedə-m-lə.</i>
убивать-3ЕД.А + РЕМ-Р

5. АЛЮТОРСКИЙ ЯЗЫК

Завершает данный обзор еще один из палеоазиатских языков – алюторский, являющийся представителем чукотско-камчатской языковой семьи¹¹. Пожалуй, алюторское личное спряжение являет собой наиболее изощренный пример применения исследуемого принципа маркированности при упаковке грамматических значений.

5.1. Парадигма непереходного глагола.

Алюторский язык характеризуется необычайно сложной организацией полиперсонного спряжения. Контролерами согласования являются ядерные аргументы пропозиции. Если глагол одноместный, то глагол согласуется с единственным аргументом (S) по лицу (1, 2, 3) и числу (ед., дв., мн.). Если глагол двухместный, то он согласуется по тем же категориям с обоими аргументами (A и P)¹².

Основная сложность алюторского спряжения состоит не в величине парадигмы (63 согласуемые формы у финитного переходного глагола с заданными видо-времен-

¹¹ Данный раздел основан на материалах, собранных во время руководимых мною Камчатских лингвистических экспедиций филфака МГУ (1971, 1972, 1978 гг.).

¹² Падежное оформление аргументов соответствует классической эргативной схеме: S и P стоят в номинативе, а A – в эргативе.

ными значениями), а в правилах выбора лично-числовых показателей. Традиционный подход, реализованный в работе [Мельчук 1973], привел его автора к констатации "парадигматической неоднозначности", выражающейся в том, что "с одной стороны, многие грамматические значения... имеют каждое по несколько альтернативных показателей (синонимия показателей)... С другой стороны, многие морфологические показатели имеют каждый по несколько альтернативных грамматических значений (омонимия показателей)" [Мельчук 1973, 1:4]. "Не будет преувеличением сказать, что алюторское спряжение... самым своим существованием бросает вызов исследователю-морфологу." [Там же: 6]. Ниже будет предложен альтернативный принцип анализа, лишаящий алюторский язык этих "аномальных" свойств.

В основном лично-числовое согласование организовано однотипно при разных видо-временных характеристиках глагола, хотя в отдельных случаях имеются некоторые особенности. Ниже лично-числовое согласование будет рассматриваться на основе парадигмы футурума совершенного вида, поскольку в ней лично-числовые показатели представлены наиболее наглядно.

Одноместный глагол (с аргументом *S*) имеет такие формы (на примере глагола *piŋku-* 'прыгать'):

(17) Спряжение алюторского глагола *piŋku-* 'прыгать' в футуруме совершенного вида

	1 лицо	2 лицо	3 лицо
Ед.	<i>tə-ta-piŋku-ŋ</i>	<i>ta-piŋku-ŋ</i>	<i>ta-piŋku-ŋ</i>
Дв.	<i>mət-ta-piŋku-ŋ</i>	<i>ta-piŋku-ŋ-tək</i>	<i>ta-piŋku-ŋə-t</i>
Мн.	<i>mət-ta-piŋku-la-ŋ</i>	<i>ta-piŋku-la-ŋ-tək</i>	<i>ta-piŋku-la-ŋə-t</i>

Футурум сов. вида имеет разрывный показатель *ta – ŋ*, обрамляющий корень. Ненулевые показатели согласования с *S* идентифицируются в данном случае однозначно:

<i>tə-</i>	'1ЕД'
<i>mət-</i>	'1ДВ/МН'
<i>-tək</i>	'2ДВ/МН'
<i>-t</i>	'3ДВ/МН'

Что касается противопоставления 'двойственное/множественное число', то оно выражается маркированием множественного числа показателем *-la*¹³ в особой позиции – между корнем и суффиксальной частью циркумфикса *ta-ŋ*, т.е. внутри видо-временной основы (в то время как личные показатели располагаются перед видо-временной основой или после нее).

Не все лично-числовые значения выражаются эксплицитно, а именно, формы 2ЕД и 3ЕД не имеют материальных показателей. В связи с этим встает вопрос о нулевых показателях и их месте в глагольной парадигме. С формальной точки зрения может быть предложено несколько трактовок, представленных в таблице 5.

Первая трактовка исходит из того, что все лично-числовые показатели являются циркумфиксами, у которых одна из частей (префиксальная или инфиксальная) выра-

¹³ Числовая иерархия в алюторском языке имеет вид:

$$\text{ЕД} < \text{ДВ} < \text{МН}$$

в отличие от распространенной в языках мира иерархии маркированности ЕД < МН < ДВ (см. [Croft 1990: 92]), наиболее маркированным числовым значением является МН, возможно, в силу бинарной организации числовых значений, см. ниже.

Способы описания S-показателей авторского спряжения

Значения S-показателей	Способы описания S-показателей			
	N1	N2	N3	N4
'1ЕД'	<i>t</i> — $\emptyset$	<i>t</i> -	<i>t</i> -	<i>t</i> -
'1ДВ/МН'	<i>mət</i> — $\emptyset$	<i>mət</i> -	<i>mət</i> -	<i>mət</i> -
'2ЕД'	$\emptyset$ — $\emptyset$		- $\emptyset$	$\emptyset$ -
'2ДВ/МН'	$\emptyset$ — <i>tək</i>	- <i>tək</i>	- <i>tək</i>	- <i>tək</i>
'3ЕД'	$\emptyset$ — $\emptyset$		- $\emptyset$	- $\emptyset$
'3ДВ/МН'	$\emptyset$ — <i>t</i>	- <i>t</i>	- <i>t</i>	- <i>t</i>

жена нулем. Вторая трактовка исключает наличие нулевых показателей вообще (в этом случае 2ЕД и 3ЕД не имеют в глагольной словоформе средств выражения). Третья трактовка противопоставляет 1-е лицо 2-му и 3-му с точки зрения позиции лично-числового показателя: для 1-го лица это префиксальная позиция, для 2–3-го – суффиксальная. Четвертая трактовка противопоставляет 1-е лицо и ед. число 2-го прочим лично-числовым значениям.

Оставаясь в пределах непереходной парадигмы, нет критериев, позволяющих предпочесть одну из этих трактовок и отклонить прочие. Однако в более широком парадигматическом контексте системные отношения форм с выраженными и невыраженными лично-числовыми значениями, а также поведение материализованных показателей дает основание для предпочтения последней трактовки, согласно которой 2ЕД выражается нулевым префиксом, а 3ЕД – нулевым суффиксом (тем самым эти формы не омонимичны). Таким образом, для разных значений лица и числа аргумента *S* используются разные позиции для выражающих их показателей. Показатели 1-го лица и 2ЕД занимают префиксальную позицию, а остальные – суффиксальную.

Кроме того, в нотацию вводится нулевой инфиксальный показатель двойственного числа. Его необходимость станет также ясна в дальнейшем.

5.2. Парадигма переходного глагола.

Для экономии места и большей наглядности приведем лишь схему лично-числового спряжения переходного глагола в футуруме сов. вида (Табл. 6).

В этой парадигме наряду с уже знакомыми показателями (*t*-, *mət*-, *-tək* и др.) имеется целый ряд новых (*ina*-, *na-gəm*-, *-gət*-, *-w* и др.). Кроме того, в глагольной словоформе появляется новая позиция (здесь и ниже для иллюстрации будем использовать формы глагола (*t*)*kəpl* 'бить'), ср.:

(18)	а.	'1ЕД.А + 2ДВ.Р'	<i>tə-ta-tkəpl-əŋ-tək</i> .	'Я вас двоих побью.'
	б.	'3ЕД.А + 1ЕД.Р'	<i>t-ina-tkəpl-əŋ</i> .	'Он меня побьет.'
	в.	'3ДВ.А + 1ЕД.Р'	<i>na-ta-tkəpl-ə-gəm</i> .	'Они вдвоем меня побьют.'

Если показатели *t*- и *na*- стоят перед видо-временной основой, начинающейся с показателя *ta*-, то показатель *-ina*- находится внутри видо-временной основы, между показателем *ta*- (вариант *t*- выступает перед последующим гласным) и корнем.

Однако проблема интерпретации спряжения двухместного глагола состоит не в увеличении числа показателей и их позиций в глагольной словоформе, а в том, что некоторым показателям не удастся приписать фиксированных значений лица/числа Агентива и Пациентива. Так, в форме:

(19)	'1ЕД.А + 2ДВ.Р'	<i>tə-ta-tkəpl-əŋ-tək</i> .	'Я вас двоих побью.'

Личное спряжение аиторского переходного глагола

А	Р					
	2ЕД	2ДВ	2МН	3ЕД	3ДВ	3МН
1ЕД	<i>t — gət</i>	<i>t — tək</i>	<i>t — la tək</i>	<i>t — n-φ</i>	<i>t — na-t</i>	<i>t — na-w</i>
1ДВ	<i>mət - φ - gət</i>	<i>mət - tək</i>	<i>mət - la - tək</i>	<i>mət - φ - n-φ</i>	<i>mət - na-t</i>	<i>mət - na-w</i>
1МН	<i>mət - la - gət</i>	<i>mət - tək</i>	<i>mət - la - tək</i>	<i>mət - la - n-φ</i>	<i>nət - na-t</i>	<i>mət - na-w</i>
	1ЕД	1ДВ	1МН	3ЕД	3ДВ	3МН
2ЕД	<i>ina-</i>	<i>na - mək</i>	<i>na - la - mək</i>	<i>φ - n-φ</i>	<i>φ - na-t</i>	<i>φ - na-w</i>
2ДВ	<i>ina - tək</i>	<i>na - mək</i>	<i>na - la - mək</i>	<i>φ - tki</i>	<i>φ - tki</i>	<i>φ - la-tki</i>
2МН	<i>ina - la-tək</i>	<i>na - mək</i>	<i>na - la - mək</i>	<i>φ - la-tki</i>	<i>φ - tki</i>	<i>φ - la-tki</i>
	1ЕД	1ДВ	1МН	2ЕД	2ДВ	2МН
3ЕД	<i>ina-</i>	<i>na - mək</i>	<i>na - la - mək</i>	<i>na - gət</i>	<i>na - tək</i>	<i>na - la - tək</i>
3ДВ	<i>na - gəm</i>	<i>na - mək</i>	<i>na - la - mək</i>	<i>na - gət</i>	<i>na - tək</i>	<i>na - la - tək</i>
3МН	<i>na - gəm</i>	<i>na - mək</i>	<i>na - la - mək</i>	<i>na - gət</i>	<i>na - tək</i>	<i>na - la - tək</i>
	3ЕД	3ДВ	3МН			
3ЕД	<i>-nin-φ</i>	<i>-nina-t</i>	<i>-nina-w</i>			
3ДВ	<i>na - nin-φ</i>	<i>na - nina-t</i>	<i>na - nina-w</i>			
3МН	<i>na - nin-φ</i>	<i>na - nina-t</i>	<i>na - nina-w</i>			

показатель *-tək* кодирует Р, а в форме:

(20) '2ДВ.А + 1ЕД.Р' *t-ina-tkəpl-əŋ-tək*. 'Вы двое меня побьете.'

этот же показатель кодирует А.

В то же время одно и то же категориальное значение в разных формах может выражаться по-разному. В Табл. 6 в столбце со значением '1ЕД.Р' это значение в одних случаях выражается показателем *ina-*, а в других – показателем *-gəm*, ср. также (186-в).

Более того, в ряде клеток парадигмы (соответствующих разным значениям лица и/или числа Агентива и/или Пациентива) находятся идентичные комбинации показателей (например: *na - tki*, *na - mək*, *na - la - mək*, *na - gət*, *na - tək*, *na - la - tək*, в Табл. 6). Случайны ли эти совпадения? При традиционном подходе такой вопрос не встает. Считается достаточным сформулировать все соответствия между значениями и формами с указанием сочетаемых ограничений. Для нас же этот вопрос является фундаментальным и на него требуется найти отрицательный ответ.

Для удобства расположим материал в соответствии с наблюдаемыми формами, предварив это следующими соображениями. Достаточно очевидно, что троичное противопоставление по числу устроено по двоичному принципу. Сперва противопоставляются единственное и неединственное число, а затем неединственное делится на двойственное и множественное. При этом второе противопоставление часто маркируется особыми показателями в особой морфологической позиции ($\pm$ *-la* в инфиксальной позиции), поэтому временно исключим такие случаи из рассмотрения, см. Табл. 7.

В Табл. 7 тождественные показатели объединены и сходные расположены по воз-

Личное спряжение алюторского переходного глагола (без форм мн. числа)

А	Р	Показатели	А	Р	Показатели
1ЕД	2ЕД	<i>t</i> — <i>gət</i>	3ЕД	3ЕД	<i>-nin-ø</i>
	2НЕЕД	<i>t</i> — <i>tək</i>		3ДВ	<i>-nina-t</i>
	3ЕД	<i>t</i> — <i>n-ø</i>		3МН	<i>-nina-w</i>
	3ДВ	<i>t</i> — <i>na-t</i>	3НЕЕД	3ЕД	<i>na - nin-ø</i>
	3МН	<i>t</i> — <i>na-w</i>		3ДВ	<i>na - nina-t</i>
1НЕЕД	2ЕД	<i>mət</i> — <i>gət</i>		3МН	<i>na - nina-w</i>
	2НЕЕД	<i>mət</i> — <i>tək</i>		1ЕД	<i>na - gəm</i>
	3ЕД	<i>mət</i> — <i>n-ø</i>	2/3	1НЕЕД	<i>na - mək</i>
	3ДВ	<i>mət</i> — <i>na-t</i>	3	2ЕД	<i>na - gət</i>
	3МН	<i>mət</i> — <i>na-w</i>		2НЕЕД	<i>na - tək</i>
2ЕД	3ЕД	<i>ø</i> — <i>n-ø</i>	3ЕД	1ЕД	<i>-ina-</i>
	3ДВ	<i>ø</i> — <i>na-t</i>	2ЕД	1ЕД	<i>-ina-</i>
	3МН	<i>ø</i> — <i>na-w</i>	2НЕЕД	1ЕД	<i>-ina - tək</i>
2НЕЕД	3	<i>-tki</i>			

возможности рядом. Однако многое по-прежнему представляется загадочным, в частности, функции показателей *na-*, *ina-*, причины различной аргументной интерпретации показателя *-tək* в формах *na - tək* ['3.A + 2НЕЕД.Р' – как маркера Пациентива] и *ina - tək* ['1ЕД.Р + 2НЕЕД.А' – как маркера Агентива]. Читатель сам может попробовать решить эту головоломку, используя традиционные средства морфологического анализа. Как выше уже указывалось, в литературе имеется попытка описать данное спряжение методом контекстно-связанных правил [Мельчук 1973], но она дает такое сложное и необъяснительное описание, что поверить в его правдоподобность затруднительно: оно скорее не проще, а сложнее, чем просто полный перечень всех форм.

Оставляя в стороне доказательства невозможности решения данной задачи методом установления прямых соответствий между выделенными категориями и кодирующими их средствами, попытаемся пойти принципиально другим путем. При этом будем исходить из следующих посылок:

- парадигматические системы, как правило, устроены системно; маловероятно существование многоэлементных парадигм с часто повторяющимися фрагментами при том, что эти фрагменты используются идеосинкретично;
- за тождеством формы стоит, как правило, тождество функций, а омонимия может существовать в отдельных звеньях парадигмы, если она скомпенсирована наличием прозрачных системных отношений в других звеньях этой парадигмы;
- парадигма может быть подчинена влиянию некоторых глубинных факторов, лежащих в основе наблюдаемых грамматических категорий.

Действительно, рассмотрение алюторской глагольной парадигмы оставляет ощущение, что за ней стоят не те категории, в терминах которых мы ее представили, а некие другие сущности. Каковы же они?

Первой удачной попыткой интерпретации является гипотеза, предложенная в [Comrie 1980] для родственных алюторскому корякского и чукотского языков. Б. Комри предложил, опираясь на типологические параллели с индейскими языками, некоторые глагольные формы (аналогичные алюторским формам с *ina-* и *na-*) считать получаемыми по правилам инверсии: они возникают, когда ранг лица Агентива ниже, чем ранг лица Пациентива (на иерархии личности $1 > 2 > 3$). Эта гипотеза была отправной точкой настоящего исследования, однако ее оказалось недостаточно: нужно было как минимум выявить состав лично-числовых показателей, реконструировать ту

Собственно лично-числовые показатели аллоторского глагола

Лицо-число		S		A		P
		преф.	суфф.	преф.	суфф.	суфф.
локуторы	'1ЕД'	<i>t-</i>		<i>t-</i>		<i>-gəm</i>
	'1НЕЕД'	<i>mət-</i>		<i>mət-</i>		<i>-mək</i>
	'2ЕД'	<i>ø-</i>		<i>ø-</i>		<i>-gət</i>
нелокуторы	'2НЕЕД'		<i>-tək</i>		<i>-tək</i>	<i>-tək</i>
	'3ЕД'		<i>-ø</i>			<i>-n-ø</i>
	'3ДВ'		<i>-t</i>			<i>-na-t</i>
	'3МН'		<i>-t</i>			<i>-na-w</i>

иерархию, которая следует из данных аллоторского языка, и сформулировать сопряженные с ней правила. Не затрудняя читателя описанием эвристики процесса интерпретации, изложим его результаты.

5.3. Описание лично-числового спряжения.

5.3.1. Лично-числовые показатели.

Можно выделить показатели, которые однозначно маркируют значения грамматических категорий лица и числа. Эти показатели зависят от синтаксической (ролевой) характеристики аргумента-контролера, см. Табл. 8. Из нее видно, что:

- полную парадигму имеют только S- и P-показатели, в то время как A-показатели имеются лишь у 1-го и 2-го лица, причем префиксальную позицию занимают показатели 1-го лица (для всех чисел) и 2-го лица ед. числа (то есть для значений 'я', 'мы' и 'ты'). Аргументы этого типа будем называть локуторами (участниками речевого акта). Значения 2-го лица неединственного числа и 3-го лица всех чисел (то есть 'вы', 'он' и 'они') специального агентивного показателя не имеют. Эти аргументы будем называть не-локуторами (с точки зрения аллоторской системы они не являются собственными участниками речевого акта);

- имеющиеся агентивные показатели фенетически тождественны соответствующим S-показателям (см. Табл. 5);

- пациентивные показатели 2-го лица неединственного числа совпадают с соответствующим S-показателем, а в 3-м лице наблюдается сходство с S-показателями. Точнее, 3-е лицо имеет специфический личный показатель *-n/na* '3.P', к которому присоединяются лично-числовые показатели, схожие с S-показателями. Специфика состоит в том, что 3.P различает двойственное и множественное число, чего нет у S-показателей.

5.3.2. Дейктическая иерархия.

Дейктическая иерархия в аллоторском языке имеет вид:

$$\begin{array}{ccccccc} 1\text{ЕД} > 1\text{НЕЕД} > 2\text{ЕД} & > & 2\text{НЕЕД} > 3\text{ЕД} > 3\text{НЕЕД} \\ \text{локуторы} & > & \text{нелокуторы} \end{array}$$

Расположение лиц именно в таком порядке является не произвольным, а вытекает из специфики аллоторского морфосинтаксиса (обоснование см. ниже).

5.3.3. Правила расстановки лично-числовых показателей.

Нижеследующие правила отвечают за построение глагольной словоформы с точностью до различения двойственного – множественного числа.

Правило 1. Немаркированный случай. Если прочие правила не требуют другого, Агентив и Пациентив оформляются своими показателями.

Как явствует из Табл. 8, Агентив оформляется, как правило, префиксальным показателем, а Пациентив – всегда суффиксальным.

Наиболее полно Правило 1 реализуется в немаркированной ситуации (не входящей в сферу действия других Правил). Немаркированная ситуация имеет место, когда Агентив является локутором и превосходит по рангу Пациентив (в соответствии с дейктической иерархией).

По этому Правилу образуются следующие лично-числовые формы (это по существу начальная группа форм в Табл. 7):

(21)	А	Р	Показатели
1ЕД		2ЕД	<i>t</i> — <i>gət</i>
		2НЕЕД	<i>t</i> — <i>gət</i>
		3ЕД	<i>t</i> — <i>n-φ</i>
		3ДВ	<i>t</i> — <i>na-t</i>
		3МН	<i>t</i> — <i>na-w</i>
1НЕЕД		2ЕД	<i>mət</i> – <i>gət</i>
		2НЕЕД	<i>mət</i> – <i>tək</i>
		3ЕД	<i>mət</i> – <i>n-φ</i>
		3ДВ	<i>mət</i> – <i>na-t</i>
		3МН	<i>mət</i> – <i>na-w</i>
2ЕД		3ЕД	<i>φ</i> — <i>n-φ</i>
		3ДВ	<i>φ</i> — <i>na-t</i>
		3МН	<i>φ</i> — <i>na-w</i>

Данное Правило может реализовываться лишь частично, если оно некоторым образом блокируется другими правилами (то есть оно действует по умолчанию, являясь по существу *default rule*), см. примеры ниже.

Прочие Правила охватывают маркированные ситуации. Они могут быть связаны с тем, что Агентив является нелокутором, что Агентив ниже Пациентива по дейктической иерархии или что нарушены оба условия.

Правило 2. Нелокуторный Агентив. Если Агентив является нелокутором и он (с точностью до числа) не ниже Пациентива по дейктической иерархии (в этом случае Пациентив также является нелокутором), используются специальные показатели в суффиксальной позиции.

В принципе имеется четыре комбинации лиц такого рода:

‘2НЕЕД.А + 3’

‘3ЕД.А + 3ЕД.Р’

‘3ЕД.А + 3НЕЕД.Р’

‘3НЕЕД.А + 3НЕЕД.Р’

Правило 2 реализуется в первых трех случаях (последний блокируется Правилем 3, см. ниже).

(22)	А	Р	Показатели
	2НЕЕД	3	<i>-tki</i>
	3ЕД	3ЕД	<i>-ni-n-φ</i>
		3ДВ	<i>-nina-t</i>
		3МН	<i>-nina-w</i>

Показатель *-tki*¹⁴ имеет кумулятивное значение ‘2НЕЕД.А + 3.Р’, показатель *-nin(a)* – кумулятивное значение ‘3.А + 3.Р’. Конкретное числовое значение Пациентива маркируется отдельными показателями.

¹⁴ Исторически показатель *-tki*, возможно, является модификацией показателя *-tək*, показатель *-ni-* синхронно слит с показателем *-n(a)* ‘3.Р’.

Ситуация, когда нарушается соответствие между ролями аргументов и их лицом, может в принципе рассматриваться в разных перспективах:

[1] с точки зрения нарушения нормального взаимного расположения аргументов на дейктической иерархии или

[2] с точки зрения одного выделенного аргумента, а именно:

[2a] с точки зрения прототипического Пациентива, или же

[2б] с точки зрения прототипического Агентива.

Алюторский язык чувствителен ко всем трем случаям.

Наиболее прототипической реализацией немаркированной ситуации является случай, когда Пациентив имеет минимальный ранг на личной иерархии, а Агентив – максимальный. Из этого следует, что ‘ЗНЕЕД’ является **максимально пациентивным** аргументом¹⁵, а ‘1ЕД’ – **максимально агентивным**. Эти роли для них являются соответственно максимально немаркированными. Наоборот, появление их в противоположной роли максимально маркировано.

Следующее Правило объединяет случаи [1–2a] – с инверсией ролей/лиц и с прототипическим Пациентивом (‘ЗНЕЕД’) в агентивной роли, то есть ситуацию с Агентивом, имеющим максимально низкий ранг.

Правило 3. Агентив низкого ранга. Если в агентивной позиции находится аргумент, занимающий на дейктической иерархии низший ранг или ранг, который ниже ранга Пациентива, то он маркируется показателем *na-* в префиксальной позиции.

Первому условию соответствуют случаи:

(23)	A	P	Показатели
	ЗНЕЕД	ЗЕД	<i>na – nin-φ</i>
		ЗДВ	<i>na – nina-t</i>
		ЗМН	<i>na – nina-w</i>
		1ЕД	<i>na – gəm</i>
		1НЕЕД	<i>na – mək</i>
		2ЕД	<i>na – gət</i>
		2НЕЕД	<i>na – tək</i>

Отметим, что первые три структуры образуются совместным действием Правил 3 и 2, а последние две – действием Правил 3 и 1. Следует также обратить внимание на то, что Правило 3 не регламентирует для аргумента с низшим рангом относительный ранг Пациентива: он может быть как выше Агентива (тогда выполняются оба условия), так и равным ему (тогда выполняется только первое условие). Равенство аргументов по рангу имеет место в (23) во второй и третьей структуре.

Ситуация, когда удовлетворяется только второе условие (ранг Агентива ниже ранга Пациентива), представлены структурами:

(24)	A	P	Показатели
	ЗЕД/2	1НЕЕД	<i>na – mək</i>
	ЗЕД	2ЕД	<i>na – gət</i>
		2НЕЕД	<i>na – tək</i>

В этих случаях по умолчанию сохраняется немаркированное кодирование Пациентива согласно Правилу 1, а характеристики Агентива нейтрализуются в едином показателе (*na-*).

Следующее Правило касается прототипического Агентива (‘1ЕД’) в пациентивной позиции.

¹⁵ По существу этот особый статус ЗНЕЕД учтен в работе [Comrie 1980]: Б. Комри выделяет в ролевой иерархии четыре позиции, расщепляя 3-е лицо ($1 < 2 < \text{ЗЕД} < \text{ЗМН}$) именно в связи с поведением морфемы *na-*.

Правило 4. Пациентив высшего ранга. Максимально агентивный аргумент в пациентивной роли маркируется показателем *-ina-* в специальной предкорневой позиции.

(25)	А	Р	Показатели
	3ЕД	1ЕД	<i>-ina-</i>
	2ЕД	1ЕД	ϕ – <i>ina-</i>
	2НЕЕД	1ЕД	<i>-ina – tək</i>

Естественно, что стандартный показатель Пациентива 1-го лица ед. числа *-gət* в этом случае отсутствует, а показатель Агентива ставится по Правилу 1.

Следует обратить внимание на то, что Правило 4, вообще говоря, во всех случаях (25) как бы вступает в конфликт с Правилем 3 (по которому следовало бы использовать показатель *na-*, так как в позиции Агентива, естественно, находится аргумент с более низким рангом, чем в позиции Пациентива), однако этот конфликт кажущийся, поскольку Правило 4 охватывает маркированный подкласс класса случаев, входящих в сферу действия Правила 3.

Реальный конфликт возникает в случае структуры '3НЕЕД.А + 1ЕД.Р' ['они меня'], когда оба аргумента являются крайними точками на дейктической иерархии и выступают в "необычной" для них роли. Показательно, что в этом случае конфликт разрешается в пользу "необычного" Агентива – именно его "судьба" маркируется префиксальным показателем *na-*, см. (23). В этом случае действует более общее ролевое правило маркированности¹⁶:

Пациентив < Агентив

по которому предпочтение отдается Правилу 3, а не Правилу 4 (в противном случае следовало бы ожидать показателя *ina-*).

5.3.4. Правила постановки плюрализатора.

Плюрализатор *-la-*, как указывалось выше, занимает особую посткорневую позицию. Этот показатель маркирует множественное число Пациентива или Агентива. При этом необходимо сделать одну существенную оговорку. Число Агентива 3-го лица вообще не выражается, а число Пациентива 3-го лица обычно выражено независимым образом в суффиксальной позиции, и в таком случае плюрализатор его не маркирует. Единственное исключение из этого правила – когда Агентив неединственного 2-го лица и Пациентив 3-го лица выражаются кумулятивным суффиксальным показателем *-iki*. В этом случае число Пациентива 3-го лица не имеет суффиксальных средств выражения. Поэтому значение '2ДВ.А + 3МН.Р' имеет плюрализатор: ϕ – *la* – *iki*, см. Табл. 6.

Возможны следующие сочетания значений числа:

(26)	Агентив	Пациентив	Показатель
	ЕД	ЕД	–
	ЕД	ДВ	–
	ЕД	МН	<i>-la-</i>
	ДВ	ЕД	–
	ДВ	ДВ	–
	ДВ	МН	<i>-la-</i>
	МН	ЕД	<i>-la-</i>
	МН	ДВ	–
	МН	МН	<i>-la-</i>

¹⁶ Это частный случай иерархии эргативной ориентации (Абсолютив < Агентив), играющей в алжирском языке немаловажную роль. Напомню, что при переходном глаголе именно Агентив кодируется маркированным падежом (эргативом).

Как интерпретировать эти данные? Видно, что всегда, когда Пациентив имеет множественное число, появляется плюрализатор. Это представлено в трех случаях из четырех (в двух из них только Пациентив имеет мн. число, в третьем – оба аргумента во мн. числе). Множественное число Агентива, напротив, не обязательно сопровождается плюрализатором. Если Пациентив в ед. числе, Агентив мн. числа контролирует согласование, если в дв. числе – показатель *-la-* отсутствует.

Исходя из этих данных, предлагается считать, что значение двойственного числа имеет нулевой показатель, как это представлено в Табл. 9.

Таблица 9

Посткорневые показатели числа

Агентив	Пациентив	Показатель
ЕД	ЕД	пусто
ДВ	ЕД	?
ЕД/ДВ/МН	ДВ	φ
ЕД/ДВ/МН	МН	<i>-la-</i>
МН	ЕД	<i>-la-</i>

Знак вопроса в второй строке связан с тем, что нет никаких положительных свидетельств в пользу наличия нулевого показателя дв. числа при соответствующем Агентиве, так же как нет и отрицательных свидетельств¹⁷.

Теперь можно сформулировать условия контроля над позицией плюрализации.

Условие	Контролер плюрализации
НЕЕД.Р	Р
ЕД.Р & МН.А	А

А именно, если Пациентив в неединственном числе, он контролирует позицию плюрализации; если Пациентив в единственном числе, а Агентив во множественном числе, то позицию плюрализации контролирует Агентив.

Если добавить согласование при непереходном глаголе, то условия плюрализации можно обобщить следующим образом.

Условие	Контролер плюрализации
только один аргумент (<i>S/P/A</i>) НЕЕД	<i>S/P/A</i>
два аргумента (<i>A</i> и <i>P</i>) НЕЕД	<i>P</i>

Это соответствие отражает Правило 5.

Правило 5. Плюрализатор. Контролером плюрализации является ИГ со значением неединственного числа, а в случае конфликта контролером является Пациентив¹⁸.

5.4. Функциональная мотивация аляторского лично-числового спряжения.

Мы рассмотрели аляторское лично-числовое спряжение преимущественно с дескриптивной точки зрения. Попытаемся теперь обобщить наши наблюдения с точки зрения тех механизмов, которые лежат в основе этой системы.

¹⁷ Заметим, что это весьма распространенный случай, когда трудно разграничить нулевой показатель и отсутствие показателя.

¹⁸ Эта формулировка компактна, но двусмысленна с точки зрения ролевой ориентации. Это Правило можно переформулировать в терминах немаркированного эргативного согласования, не навязывая аляторскому языку отклонений от типичной эргативной схемы:

согласование по неединственному числу контролирует Абсолютив,
если же Абсолютив в ед. числе, то контролером становится Агентив.

В аллюторском языке в весьма прихотливой поверхностной кодирующей форме отражается взаимодействие ролевых и дейктических характеристик аргументов. Если бы дейктические характеристики не играли самостоятельной роли, кодирование осуществлялось бы лишь в соответствии с Правилем 1, когда показатели Агентива и Пациентива однозначно распределяются по морфологическим позициям (например, Агентив маркируется в префиксальной позиции, а Пациентив – в суффиксальной). Дейктические характеристики аргументов свободно бы сочетались с ролевыми.

Однако в аллюторском языке ролевые и дейктические характеристики аргументов не механически перемножаются, а взаимодействуют по правилам, учитывающим градуальную маркированность/немаркированность соответствующих сочетаний их значений.

Сложность системы дейктических значений связана со способом интерпретации неединственного числа. Действительно, базовые дейктические категории – говорящий ['я'], адресат ['ты'] и прочие участники события ['он/они']. На них обычно базируется стандартная дейктическая иерархия '1 > 2 > 3'. Однако 1-е лицо мн. числа ['мы'] состоит из говорящего и не-говорящего, 2-е лицо мн. числа ['вы'] состоит из адресата и прочих участников события. Как соотносить эти концепты с базовыми? В принципе возможны различные стратегии, однако в аллюторском языке реализуется принцип понижения ранга небазовых дейктических категорий относительно базовых, что отражается в дейктической иерархии, приведенной в разделе 5.3.1.

Эта иерархия задает шкалированную интерпретацию обратимой маркированности ролевых и дейктических значений. Нормальной, немаркированной признается такое распределение ролей, когда говорящий играет в ситуации агентивную роль, а посторонний к речевому акту участник – пациентивную. То есть роли Агентива и Пациентива наиболее "гармонично" сочетаются с крайними точками дейктической иерархии. Что касается промежуточных рангов в иерархии личности, то они создают промежуточные случаи, к которым аллюторский язык также чрезвычайно чувствителен (благодаря чему и удается эту иерархию реконструировать).

Основное членение противопоставляет локуторов нелокуторам. Оно проявляется уже в спряжении непереходного глагола. Локуторы кодируются в префиксальной позиции, а нелокуторы в суффиксальной. При переходном глаголе эти позиции соответственно занимают Агентив и Пациентив. К тому же показатели Агентива и Пациентива материально совпадают или почти совпадают с *S*-показателями. Если перевести это распределение на язык гиперролей, то обнаруживается "гармония" локуторов с гиперролью Актора, а нелокуторов – с гиперролью Претерпевающего, являющихся базовыми для системы активного типа. Эти гиперроли в аллюторском языке в явном виде не выражены, но косвенно фигурируют в таком преобразованном виде.

Нетривиально, что значение '2НЕЕД' ['вы'] формально относится к нелокуторам (хотя по другому основанию 1-е и 2-е лица в целом противопоставлены 3-му – только 1-2-е лица допускают плюрализацию и, наоборот, только 3-е лицо (Пациенса) имеет отдельные числовые показатели в суффиксальной позиции). Это отчетливо видно в Правиле 2, создающем так называемые *portmanteau* показатели. Мотивация для такой кодировки вполне естественная: при равенстве свойств двух элементов они сливаются в одну единицу, см. аналогичную ситуацию в языке йимас.

Специальное выделение в иерархии ее крайних членов как эталонов "гармонии" с ролевыми характеристиками (Агентива или Пациентива) также весьма примечательно. Существенно при этом, что маркированная агентивная роль аргумента ЗНЕЕД приравнивается формально к ситуации инверсии роли/лица (Правило 3).

Следует отметить, что маркированная для 1ЕД роль Пациентива кодируется тем же средством (*-ina-*), что и антипассив (переход периферийного аргумента в косвенном падеже, в частности, эргативе, характерном для роли Агентива, в позицию прямого падежа (номинатива, которым, кстати, оформляется Пациентив). Возможно, тут мы имеем дело с одним и тем же процессом.

Если рассматривать морфологию алюторского лично-числового согласования в функциональной перспективе, можно уверенно констатировать, что практически все используемые в нем формальные средства оказываются не нагромождением непонятных морфем с нелегко сложной дистрибуцией, а изящной реализацией простых базовых принципов сочетания значений, относящихся к различным семантическим компонентам – ролевому и дейктическому.

В свою очередь, "реабилитация" алюторского языка, возвращающая его в лоно языков, использующих типологически "нормальные" принципы кодирования, служит косвенным подтверждением правильной интерпретации его данных.

6. УРОКИ "АНОМАЛЬНЫХ" ЯЗЫКОВ

Попытаемся извлечь из рассмотренного материала и его интерпретации некоторые уроки для общей лингвистической теории.

Мы рассмотрели данные пяти неродственных языков, относящихся к различным географическим ареалам (даргинского, сванского, йимас, юкагирского и алюторского), в которых независимым образом проявляются нетривиальные с традиционной точки зрения принципы кодирования грамматических значений. Во всех случаях мы имели дело с ситуацией, когда грамматические значения, относящиеся к различным семантическим компонентам высказывания, то есть с логической точки зрения свободно сочетающиеся друг с другом, кодировались тем не менее не автономно, а с учетом "естественности", "ожидаемости" комбинаций этих значений. Более того, факты, которые в перспективе системы каждого конкретного языка можно было бы списать за счет их "экзотичности", при их сопоставлении проявляют удивительную повторяемость, что вынуждает отнестись к ним с повышенным вниманием. Выделим отдельные аспекты обсуждавшихся выше систем, в частности те, что вынесены в заголовок данной статьи.

6.1. Дейктические иерархии.

Во всех рассмотренных языках с личным спряжением фундаментальное значение имеет дейктическая иерархия. Эта иерархия приобретает в конкретных языках различные модификации. Так, в даргинском и сванском языках она сводится к бинарному противопоставлению

$1/2 > 3$,

в йимас – к трехчленному противопоставлению

$1 > 2 > 3$,

в юкагирском – к противопоставлению

$1/2 > 3 > \text{не-лицо}$,

а в алюторском различается шесть членов иерархии:

$1\text{ЕД} > 1\text{НЕЕД} > 2\text{ЕД} > 2\text{НЕЕД} > 3\text{ЕД} > 3\text{НЕЕД}$.

Однако вариативность этих модификаций не произвольна, их объединяет, во-первых, фундаментальное противопоставление локуторов/нелокуторов (именно локуторы относятся собственно к дейктическому компоненту смысла) и, во-вторых, единообразная ориентация направления маркированности: левые члены иерархий более маркированы, чем правые.

Языки по-разному используют дейктическую иерархию в построении личного спряжения. В даргинском и сванском языках она функционирует автономно (локуторы ведут себя иначе, чем нелокуторы), а в йимас, юкагирском и алюторском языках дейктическая иерархия взаимодействует с ролевой иерархией по принципу обратимой маркированности (markedness reversal, см. [Croft 1990:134]): ролевая иерархия меняет направление маркированности в зависимости от дейктической характеристики аргумента. Примечательно, что взаимодействие дейктических и ролевых характеристик аргументов осуществляется по одной схеме: дейктически маркированные аргументы "гармонизируют" с Агентивом, а немаркированные – с Пациентивом. Иными словами, в

данном отношении языки одинаковым образом концептуализируют "положение дел" в мире.

6.2. Роли.

Рассмотренные данные лишний раз подтверждают гипотезу об универсальной значимости ролевых характеристик аргументов. Чувствительность к ним языковой системы проявляется не только на уровне прямого наблюдения (в падежных системах, кодирующих роли приименными маркерами), но и в более изощренной форме, в нашем случае – во взаимодействии с дейктическими значениями. Обращает на себя внимание тот факт, что в нашей выборке представлены языки, которые чувствительны к ролевому кодированию (при том, что в них реализованы различные схемы ролевого кодирования, по крайней мере, эргативная и аккузативная), но нет языков, в которых аргументы кодировались бы синтаксическими позициями (такими, как подлежащее, дополнение). Думается, что это вряд ли связано со случайностью выборки, а обусловлено ролевой семантикой аргументов. В языках, где доминирует собственно синтаксическая категоризация аргументов, их ролевые свойства затемнены. Если данная корреляция правдоподобна, то наличие в языке обратимого маркирования данного типа может быть симптомом отсутствия в этом языке именных членов предложения (обратное не утверждается).

6.3. Наблюдаемая морфологическая форма и нули.

Анализ парадигм разноструктурных языков продемонстрировал необходимость очень осторожного подхода к морфемному членению и к постулированию ненаблюдаемых морфем (нулей).

В ряде случаев проведение инвентаризации морфем является далеко не тривиальной задачей, а неправильно проведенное членение может завести исследователя в тупик. Мы сталкивались с проблемами морфочленения в сванском и алюторском языках, формально допускающих альтернативное членение (выделение отдельных префиксов и суффиксов или единого циркумфикса), в йимас, где некоторые показатели можно было анализировать как отдельные морфемы или алломорфы одной морфемы. Эти проблемы не являются периферийными, так как за ними стоит вопрос о том, какие языковые единицы описываются и каким единицам ставится в соответствие то или иное значение. Как показывает практика, решение этих вопросов не лежит исключительно в области формальной морфологии, а зачастую выбор альтернативы зависит от того, какие значения приписываются выделяемым показателям. Таким образом, правдоподобность того или иного членения во многом предопределяется правдоподобностью выделяемых при этом значений. В то же время успех семантической интерпретации означаемых зависит от правильности выделения означающих.

В рассматриваемых выше парадигмах часто возникала ситуация, когда некоторое ожидаемое значение не имело материального выражения. В такой ситуации часто усматривают нулевые морфемы. Между тем известно различие между нулем и отсутствием языковой формы (см. [Мельчук 1974]). Как можно было видеть, принятие того или иного решения зачастую не является тривиальной задачей и зависит от многих факторов. В целом, в данной работе нулевые показатели вводились в тех случаях, когда можно было обнаружить косвенные следы их присутствия. К таким следам относятся, в частности, системные основания. Так, из системных соображений в Табл. 5 были введены префиксальные и инфиксальные нули, различающие внешне омонимичные формы алюторского глагола: *ø-tapɪŋkiŋ* '2. ЕД.-прыгнешь' и *tapɪŋkiŋ-ø* 'прыгнет-3.ЕД'. Что касается инфиксальной позиции плюрализации в алюторском глаголе, в ней усматривается наличие нулевого показателя двойственного числа Пациентива, в отличие от значения единственного числа, не имеющего выражения, см. Табл. 9. При этом вопрос о нулевом выражении двойственного числа Агентива остается открытым, так как нет ни положительных, ни отрицательных свидетельств.

Вообще говоря, в некоторых случаях принять однозначное решение о наличии или отсутствии нуля оказывается затруднительным, но постулирование нуля всегда более ответственно.

Как следует из сказанного, анализ морфологической формы имеет самое прямое отношение к анализу значения, так как форма и значение являются зеркальным отражением друг друга, но исследователь, как правило, приступает к изучению значения, лишь имея в распоряжении его отражение в зеркале формы.

В свете принимаемой нами точки зрения введенное в название выражение "аномальная" упаковка грамматической семантики смысла не имеет. Оно должно рассматриваться не более как интригующая мимикрия под традиционный взгляд на проблему. "Аномальной" упаковки не существует, за ней скрываются аномальные презумпции и убеждения, бытующие в лингвистической теории.

6.4. Маркированность.

О данном феномене уже по необходимости говорилось выше. К сказанному можно добавить следующее. Анализ рассмотренных языков подтверждает продуктивность, а в ряде случаев необходимость данного понятия при описании языковой системы. Оно не только позволяет объяснить кодирующую технику, но в ряде случаев и описать ее. Оказывается, что иногда само значение морфемы кодирует не некоторую семантическую константу, а ее переменный маркированный статус. Таковы, например, аллоторские морфемы *na-*, *ina-*, которым, в соответствии с Правилами 3 и 4, приписывается соответственно значение Агентива низкого ранга и Пациентива высшего ранга.

В приводимых выше интерпретациях существенную роль играли такие реализации этого понятия, как градуальная маркированность, позволяющая по-разному проводить членение на шкале маркированности (см. аллоторский язык), и обратимая маркированность, связывающая дейктические и ролевые значения.

Принцип маркированности в системе знакообразования, будучи незамеченным, приводит как раз к тем самым "аномальным" эффектам, которые возбуждают недоумение исследователей и побуждают их лишиться к спасительному тезису о немотивированности языковых знаков и об отсутствии инвариантных значений.

В связи с этим следует отметить, что продемонстрированная выше возможность кардинально уменьшить синонимию и омонимию языковых единиц на примере личного спряжения не должна рассматриваться как периферийное явление, ограниченное именно этим фрагментом морфологии и именно этими семантическими категориями. Напротив, мне бы хотелось подчеркнуть **фундаментальный, методологический** характер обнаруженных закономерностей построения языковых знаков. В нашем случае неумолимая логика формальной морфологии дает путеводную нить для поиска истинных механизмов их устройства, лежащих в когнитивной сфере, а не в сфере произвольной наблюдаемой формы. Поэтому в каком-то смысле на рассмотренном языковом материале обнаружить этот механизм значительно проще, чем во многих других случаях, и ранее этого сделано не было лишь из-за принимаемых на веру ложных посылок. Но если предложенные выше описания (или хотя бы даже принципы таких описаний) верны, то это даст новый импульс для обращения к проблеме **инварианта значения** языковых единиц. Скептицизм в отношении этой проблемы обусловлен не обреченностью поисков инвариантов, а упрощенным пониманием их природы. Инвариант значения языковой единицы – это не логико-математическое пересечение наблюдаемых значений. Значения, которые, как нам кажется, мы наблюдаем, есть результат взаимодействия инвариантного значения данной единицы с сочетаемыми инвариантными значениями других единиц, и вычислить эти инварианты можно не иначе, как **реконструировав сочетаемостный механизм**.

В качестве кандидатов на роль таких сочетаемостных механизмов можно предложить принципы маркированности и, в том числе, несомненно, принцип обратимой маркированности. В этой перспективе совершенно новое толкование могут получить

многие классические проблемы грамматической семантики (хотя и лексическая семантика несомненно соткана из таких же механизмов), такие как видовые и временные значения, соотношение числа и лексического значения имени, концепты коммуникативной и референциальной семантики и многие другие. Но это уже далеко выходит за рамки проблематики данной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кибрик А.А. 1996 – Язык не так нелеп как кажется (лично–числовое глагольное согласование в сванском языке) // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А.А. Зализняка. М. 1996.
- Кибрик А.Е. 1979 – Материалы к типологии эргативности. 3. Чирагский язык // Предварительные публикации ИРЯ АН СССР. Вып. 127. М., 1979.
- Кибрик А.Е. 1992 – Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Кибрик А.Е., Селезнев М.Г. 1982 – Синтаксис и морфология глагольного согласования в табасаранском языке // Табасаранские этюды. М., 1982.
- Мельчук И.А. 1973 – Модель спряжения в алюторском языке. I, II // Предварительные публикации ИРЯ АН СССР. Вып. 46–47. М., 1973.
- Мельчук И.А. 1974 – О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций: диатезы и залоги. Л., 1974.
- Николаева И.А., Хелимский Е.А. 1996 – Юкагирский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М., 1996.
- Blake B. 1977 – Case marking in Australian languages. Canberra, 1977.
- Comrie B. 1980 – Inverse verb forms in Siberia: evidence from Chukchee, Koryak, and Kamchadal // *Folia linguistica historica*. 1980.
- Croft W. 1990 – Typology and universals. Cambridge, 1990.
- Foley W.A. 1991 – The Yimas language of New Guinea. Stanford, 1991.
- Foley W.A. 1993 – The conceptual basis of grammatical relations // Foley W.A. (ed.). *The role of theory in language description*. Berlin, 1993.
- Givón T. 1990 – Syntax: A functional typological introduction. Vol. II. Amsterdam, 1990.
- Keenan E. 1976 – Remarkable subjects in Malagasy // Ch. Li (ed.) *Subject and topic*. New York, 1976.
- Kibrik A.E. 1997 – Beyond subjects and objects: Towards a comprehensive relational typology // *Linguistic typology*. 1997. V. 1. N3.
- Nichols J. 1993 – Ergativity and linguistic geography // *Australian journal of linguistics*. 1993. V. 13.